

А. А. ЧЕРТКОВСКИЙ

ПОСЛЕДНЯЯ РУБАХА

Арсений Чертковский

Последняя рубаха

<https://litres.ru/73984556>

SelfPub; 2026

Аннотация

В затерянной среди черного кольца глухих лесов деревне Крутихе ноябрь застыл мертвым панцирем. Здесь, на самом краю оврага, векует старик Михей — местный праведник, готовый снять с плеча последнюю рубаху ради ближнего. Бабы кланяются ему в пояс, мужики почтительно снимают шапки, а сам Михей упивается своей святостью. Вот только его милосердие — это холодный, расчетливый товар, за который он покупает чужую волю и собственное величие. Но истинная стужа приходит не с ноябрьского неба. В одну из ледяных ночей в дверь Михея стучится загадочный Странник...

Содержание

Глава 1. Святость Михея.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Арсений Чертковский

Последняя рубаха

Глава 1. Святость Михея.

Михей всегда был добр на людях. Всем помогал, все отдавал — «последнюю рубаху с плеча снимет» — так о нем говорили в округе, и слова эти были для Михея слаще меда, теплее парного молока. В любой избе, где селилась беда, его фигура в потертom сером кафтане появлялась прежде, чем успевали высохнуть первые слезы. Нужно ли было починить покосившуюся крышу вдове Марье, подсобить ли слабосильному деду Степану с заготовкой дров на лютую зиму или отдать последний мешок овса соседскому парнишке, у которого пала единственная кормилица-лошадь, — Михей шел не раздумывая.

Он отдавал легко, с тихой, кроткой улыбкой на сухих губах. Но если бы кто-то заглянул в его глаза в тот самый миг, когда принимающий дар крестьянин со слезами благодарности падал ему в ноги, он увидел бы там странный, холодный блеск. Это не была радость сострадания. Это был сытый, торжествующий взгляд купца, который только что совершил самую выгодную сделку в своей жизни. Каждая чужая слеза

благодарности ложилась на весы тщеславия Михея золотой монетой. Он покупал свою святость, платя за нее вещами, но забирая взамен чужую волю, чужое достоинство и, главное, — сладкое, дурманящее чувство собственного превосходства. Он спасал других лишь для того, чтобы в очередной раз убедиться: он выше этого грешного, слабого людского стада.

Деревня Крутиха, где вековал свой век Михей, лежала в глубокой, глухой низине, зажатая со всех сторон суровым, молчаливым лесом. К ноябрю эти места окончательно теряли остатки жизни. Земля замерзала острыми, ржавыми гребнями, рая лапы бродячих собак; дороги превращались в каменные ухабы, покрытые хрупким стеклом первого ледка. Небо круглыми сутками висело над избами тяжелым свинцовым пластом, из которого порой сыпалась мелкая, колючая крупа.

Лес, обступивший Крутиху, казался неживым. Черные, склизкие стволы берез и вековые, замшелые ели стояли плотной стеной, словно стражи на границе мира живых и чего-то иного, холодного и безмолвного. Оттуда, из чащи, пахло прелой хвоей, болотной гнилью и тем особенным, сырым смрадом тления, который всегда предшествует настоящим заморозкам. Жизнь в деревне замирала. Люди забивались в избы, жалась к печам, и только редкие струйки серого дыма над соломенными крышами говорили о том, что в этих черных деревянных коробках еще теплится кровь.

Сама изба Михея стояла на отшибе, у самого края оврага, за которым начинался лесной вал. Это был крепкий, пятистенный дом, сложенный из вековых сосновых бревен, потемневших от времени и дождей до глубокого угольного цвета. Но изнутри дом казался удивительно, пугающе пустым. В нем не было того уютного избяного тепла, какое бывает в жилых домах, где пахнет сушеными травами, пирогами и детским смехом.

Михей намеренно держал свое жилище в суровой, почти монашеской строгости. Узкая лавка, покрытая старой дерюгой вместо постели, скобленный деревянный стол в углу под темными, закопченными иконами, да глиняная крынка на окне — вот и все убранство. Михею нравилось это убожество. Он упивался им, находя особую прелесть в том, как противоречила его нищая, холодная изба с тем богатством духа, которое он приписывал себе. Он засыпал на жестких досках, завернувшись в дырявый кафтан, и шептал молитвы, в которых благодарил Бога не за жизнь, а за то, что он, Михей, не такой, как прочие люди в Крутихе — корыстные, завистливые и слабые.

Самому Михею перевалило за шестьдесят. Был он сух телом, высок и жилист, словно старый можжевелевый куст, который никакие ветры не могут пригнуть к земле. Лицо его, изрезанное глубокими морщинами-бороздами, напоминало кору старого дуба. Серые, глубоко посаженные глаза под кустистыми бровями всегда смотрели с легким прищу-

ром, словно выискивая в собеседнике скрытую гнильцу, чтобы потом, при случае, прикрыть ее своей широкой «благодетельной» ладонью. Борода его, длинная, кучерявящаяся и белая аккуратно лежала на груди, придавая ему сходство со старинными портретами праведников.

В деревне его почитали почти как святого. Проходя мимо его двора, мужики обязательно снимали шапки, а бабы кланялись в пояс, шепча вослед: «Дай Бог здоровья нашему заступнику». Михей принимал эти почести со смиренно опущенной головой, но внутри него в этот момент пели невидимые ангелы его собственной гордыни.

Каждое его утро начиналось с обхода деревни. Он шел по скрипящим от мороза половицам мостков, заглядывая во дворы.

— Не нужно ли чего, соседushка? — негромко спрашивал он Марью, которая пыталась вытащить из колодца тяжелую бадью с ледяной водой.

— Ох, Михеюшка, ох, родненький мой, спину прихватило, мочи нет, — жаловалась женщина, потирая морщинистой рукой спину, скрытую под пуховым платком.

Михей тут же забирал из ее рук веревку. Его сухие, мозолистые ладони ловко тянули цепь, ведро со стуком вставало на сруб. Он нес воду в избу, подкладывал дров в печь, откываясь от предложенного чая со скромным поклоном:

— Бог управит, Марья. Мне твое «спасибо» — лучшая сытость. Ты молись только. За меня молись, грешного.

И Марья молилась. Слепо молилась. И все в деревне молились за Михея, не замечая, как с каждой такой молитвой они отдавали ему крошечную часть своей собственной души, своей самостоятельности. Они привыкли, что Михей всегда рядом, всегда решит, всегда отдаст. Они стали ленивы духом, зная, что за их спинами стоит великий праведник.

Но в этот год ноябрь выдался особенно злым. Колючим. Холод пришел не пушистым белым снегом, который укрывает землю теплым одеялом, а глухим, мертвым панцирем. Птицы улетели рано, а те, что остались, замерзали на лету, падая в серую траву каменными комочками. В колодцах вода обзавелась толстой ледяной коркой, и из глубин их пахло чем-то застоявшимся, болотным.

Михей сидел в своей темной избе у нетопленной печи. Ему было холодно, но он не разжигал огонь — берег дрова, чтобы, если припрет кого из соседей, отдать их «от чистого сердца». Его пальцы посинели от стужи, дыхание вырывалось изо рта густыми белыми облачками пара. Он сидел в полумраке, глядя на пустую стену, и чувствовал, как внутри него растет странное, глухое беспокойство.

Слава «праведника» грела его душу, но тело его требовало простого человеческого тепла. И в этот момент, словно отвечая на его потаенные мысли, за окном, со стороны темного оврага, слышался глухой, тяжелый стук. Будто кто-то шел по замерзшей, каменной земле, не разбирая дороги, тяжело ступая обувью в железо ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.